

DOI 10.35775/PSI.2025.119.7.026

УДК 342.25(411.5):328

А.Б. ГЕХТ

кандидат исторических наук, доцент,
зав. каф. истории и регионоведения Санкт-Петербургского
государственного университета телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: a.geht@yandex.ru
SPIN-код: 1252-5940
ORCID: 0000-0002-6917-1161

Е.А. РУДЕНКО

ассистент кафедры истории и регионоведения
Санкт-Петербургского государственного университета
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича; аспирант Санкт-
Петербургского государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: sincerocrane83@gmail.com
SPIN-код: 1050-0337

В.А. ЛАНГИЙ

старший преподаватель кафедры истории и регионоведения
Санкт-Петербургского государственного университета
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: greenapple2509@mail.ru
SPIN-код: 2423-6773

О.А. ЯКОВЛЕВ

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и регионоведения
Санкт-Петербургского государственного университета
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: olegyakovlev2002@mail.ru
SPIN-код: 4073-8838

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ШОТЛАНДИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ. В КОНТЕКСТЕ ДЕВОЛЮЦИИ В БРИТАНИИ

Настоящая работа посвящена анализу деволюционного процесса в Шотландии, инициированного принятием Акта 1998 года. Рассматриваются ключевые аспекты данного процесса: формирование парламента с уникальной смешанной избирательной системой, распределение полномочий между Эдинбургом и Лондоном, а также роль Шотландской национальной партии в продвижении идеи независимости. Особое внимание уделено финансовым механизмам (формула Барнетта, Консолидированный фонд) и взаимодействию с ЕС. Выявлены противоречия между расширением автономии и сохранением зависимости от центра, а также влияние референдума 2014 года на политическую динамику. Подчеркивается значение деволюции как инструмента баланса между региональной идентичностью и общегосударственными интересами.

Ключевые слова: деволюция, Шотландия, избирательная система, финансовая автономия, Шотландская национальная партия, ЕС, референдум.

Как известно, к концу 1990-х гг. в Британии начался процесс деволюции – передачи части властных полномочий от официального Лондона к регионам, относящимся к т.н. «кельтским окраинам» – Северной Ирландии, Уэльсу и Шотландии. Создав совместное с Англией (прежде подчинившей себе Ирландию и Уэльс) государство, Шотландия, обладающая значительным экономическим потенциалом, заняла особое место в административной системе Британии, заслуженно привлекая внимание политологов к эволюции политической обстановки на севере острова.

По итогам референдума 1997 г., когда более 70% граждан высказалось за создание парламента [7], идея деволюции в Шотландии была окончательно утверждена. По мнению авторов настоящей работы, процесс деволюции в Шотландии можно разделить на два этапа. Первый был обозначен изданием Шотландского акта (1998 г.), ознаменовавшего практической имплементацией деволюционных идей. С 2007 г. начался новый этап деволюции, связанный с приходом к власти в регионе Шотландской национальной партии, что дало старт активному общественному диалогу в отношении актуальной модели деволюции и поиском новых путей ее реформирования, вплоть до обозначения перспектив обретения Шотландией полной независимости.

Рассуждая о характере деволюции на территории рассматриваемого региона, необходимо обратиться к важнейшему документу – т.н. Белой книге 1997 г. В ней изложены механизмы, подробно описывающие процесс установления в Шотландии однопалатного парламента [10]. Там, где необходимо, шотландский парламент самостоятельно определяет процедуру деятельности парламента, т.е. непосредственные механизмы своей работы, но это касается только тех вопросов, которые находятся в сфере компетенции парламента. Шотландский

парламент ответственен за разработку законопроектов и принятие решений с соблюдением парламентского регламента и процедур. Парламентские процедуры отражают главные принципы в деятельности парламента – открытость, подотчетность, ответственность. При этом в Белой книге говорится о желании центрального правительства дать парламенту Шотландии возможность принимать независимые решения. Однако ожидается, что эти решения будут, так или иначе, подлежать обсуждению, а шотландские парламентарии будут в равной степени руководствоваться советами специалистов, представленных центром. Правительство также рассчитывает, что комитеты займут ведущую позицию в шотландском парламенте, и он будет обладать правом устанавливать такие комитеты, какие посчитает необходимым. Это важно, поскольку позволяет активно обсуждать в парламенте предложения органов исполнительной власти. Кроме того, комитеты могут собираться в различных частях Шотландии, чтобы быть ближе к населению [8]. Также шотландский парламент возобладает возможностью аннулировать законодательные решения государственного парламента в случае, если она будет затрагивать интересы Шотландии.

Публикация Белой книги интерпретируется в научной литературе как значимое событие, ознаменовавшее триумфальную веху в процессе шотландской деволюции. Данный документ консолидировал позиции политических сил, участвовавших в деволюционном процессе, легитимизировав их деятельность на институциональном уровне, что обусловило необходимость учета принимаемых ими решений в дальнейшем политико-правовом дискурсе. Белая книга послужила концептуальной основой для последующей разработки законодательного акта о деволюции.

Формирование деволюционной модели в регионе детерминировано положениями Акта 1998 года. Стратегической целью региональных политических элит являлась институционализация принципиально новой модели законодательного органа, характеризующейся повышенной степенью прозрачности и общедоступности для гражданского общества.

Учреждаемый законодательным актом шотландский парламент не повторял институциональную модель Вестминстерской системы. Данный тезис находит подтверждение в специфике избирательной системы, интегрирующей элементы пропорционального представительства. Акт внедряет смешанную избирательную модель: из 129 парламентариев 73 мандата распределяются по мажоритарному принципу в одномандатных округах, тогда как 56 депутатских мест замещаются посредством пропорционального голосования в восьми многомандатных регионах. Указанные меры направлены на оптимизацию демократических процедур, обеспечивающих репрезентацию электоральных предпочтений как в аспекте партийной принадлежности, так и в отношении персонального выбора кандидата. Нормативным требованием выступает запрет на совмещение мандата с иными властными полномочиями, а также обязательная привязка кандидата к конкретному избирательному округу. Существенное отличие проявляется в партийно-политическом балансе, поскольку смешанная система

исключает формирование абсолютного большинства, явно намекая на необходимость межпартийного консенсуса.

Шотландский акт регламентирует функциональные компетенции и нормативное регулирование процедурных аспектов деятельности парламентариев, а также вспомогательных органов и комитетов в рамках институциональной архитектуры. Ключевым элементом парламентской деятельности являются специализированные комитеты, функционирующие в соответствии с принципом коллегиальности. Однако образующим принципом организации работы законодательного органа признается принцип общественного участия, реализуемый посредством инновационных цифровых инструментов, включая электронные системы голосования, цифровые платформы для подачи петиций с обязательной экспертной аналитикой, обеспечивающие прозрачность и доступность процедур для гражданского общества [16]. Существенным аспектом анализа выступает взаимодействие новых региональных органов власти с центральными институтами Соединенного Королевства. Деволюционный процесс ориентирован на формирование партнерских отношений между парламентами для практического решения вопросов шотландской повестки [11].

Конституционная необходимость обусловлена потребностью в кооперации между шотландскими политическими институтами, наделенными полномочиями британского парламента и правительства, и их аналогами в Уэльсе, Северной Ирландии и общегосударственными структурами. Достижимый консенсус между участниками процесса фиксируется в комплексе документов. Ключевое значение имеют законодательные акты о деволюции, среди которых для Шотландии приоритетную роль играет Акт 1998 года. Дополнительной основой системы выступили административные соглашения (конкордаты), не обладающие законодательной силой, но регулирующие взаимодействие между институтами.

Большинство правительственных инициатив отражают преемственность в сотрудничестве с исторически сложившимися структурами, такими как Шотландский офис, сохраняя вектор взаимодействия с центральными министерствами. При сохранении кадрового состава администрации в рамках общегосударственной службы, деволюция способствовала повышению прозрачности и четкости в отношениях между регионом и центром. Укрепляющий свои позиции шотландский парламент не ограничивается декларацией сотрудничества с общегосударственными институтами. Он обязан выстраивать рабочие отношения с исполнительной властью Шотландии, чьи функции закреплены Актом 1988 года. Тесная взаимосвязь парламента и правительства демонстрирует намерение создать слаженную систему, где законодательная и исполнительная ветви власти взаимозависимы, обеспечивая целостность механизма политического самоуправления [2].

Анализ функциональных аспектов исполнительной власти Шотландии позволил выявить ключевое ограничение: региональные органы не обладают полномочиями на законодательную инициативу в вопросах, выходящих за рамки их

юрисдикции. Реализация дополнительных функций возможна исключительно посредством заключения соглашений с центральными институтами власти и парламентом Великобритании [14. Para 1-3]. Вопросы, не относящиеся к исключительной компетенции Шотландии, решаются в рамках совместной координации с министерствами Соединенного Королевства [14. Para 56 (3-4)].

Особыми надзорными полномочиями наделен государственный министр по делам Шотландии. В случае выявления противоречий между решениями шотландского правительства и международными обязательствами государства, он уполномочен инициировать их отмену либо, напротив, санкционировать принятие соответствующих мер. Законодательный акт предписывает органам власти обоих уровней приоритет совместного взаимодействия при решении вопросов, не противоречащих Европейской конвенции о правах человека. При этом за британским правительством сохраняется эксклюзивное право корректировки полномочий шотландской администрации и оценки ее деятельности.

Государственный министр оказывает непосредственное влияние на законодательный процесс. Законопроекты, одобренные шотландским парламентом, могут быть приостановлены в случае несоответствия международным договорам или угрозы национальной безопасности. Данный механизм обеспечивает соблюдение общегосударственных интересов в рамках деволюционной модели [14. Para 108]. При этом Акт дает праву парламенту оказывать значительное воздействие на работу шотландской администрации.

Формирование шотландского правительства осуществляется под непосредственным влиянием парламента Британии. Министры утверждаются законодательным органом на основании кандидатур, предложенных первым министром. Члены исполнительной власти региона получают статус шотландских министров. Назначение первого министра формально осуществляется монархом, однако кандидатура обязательно должна быть одобрена парламентским большинством. В случае временной невозможности исполнения обязанностей первым министром или вакантности должности, его полномочия переходят к лицу, назначенному председателем парламента. Формирование кабинета министров происходит при участии монарха, но ключевая роль принадлежит парламентской легитимации [14. Para 45 (1-7); 46 (1-4)]. Финансирование деятельности администрации обеспечивается за счет государственного бюджета, что подчеркивает ее зависимость от решений законодательного органа.

В рамках деволюционных преобразований парламент Шотландии получил исключительные полномочия в сфере законотворчества, а подконтрольное ему правительство – в области реализации политики. К автономным сферам регулирования отнесены: здравоохранение, образование, взаимодействие с местными органами власти, социальное обеспечение, жилищная политика, экономическое развитие, транспорт, экология, сельское хозяйство, рыболовство, спорт, культура, частично научная деятельность и статистика. Деятельность как исполнительных, так и законодательных институтов Шотландии требует

четкой регламентации компетенций и выстраивания функционального взаимодействия с центральными органами власти.

Эволюция модели «Центр-регионы» неизбежно трансформировала роль государственного министра по делам Шотландии. Несмотря на сохраняющуюся функцию посредника между центральными и региональными институтами, его позиция становится объектом критики со стороны шотландских политических сил, оспаривающих методы управления Вестминстера. Министр продолжает курировать Шотландский офис, выступая одновременно представителем региональных интересов в правительстве Великобритании и проводником общегосударственной политики на местном уровне [6].

Эффективное функционирование шотландской администрации предполагает необходимость координации с министерствами Соединенного Королевства, что требует регулярных консультаций и информационного обмена. Представители британского правительства, включая государственного министра по делам Шотландии, проводят совещания с региональными исполнительными органами для обсуждения широкого спектра вопросов. Результаты таких переговоров фиксируются в конкордатах, преимущественно регулирующих вопросы инвестиционной политики на общегосударственном уровне. Однако критическим аспектом остается отсутствие вовлечения региональных администраций в процесс разработки этих соглашений, что спровоцировало их неприятие национальными партиями. Меморандум понимания дополнительно акцентирует прерогативу центральных институтов на окончательное решение вопросов, включая те, что формально отнесены к компетенции регионов. Шотландский билль 1998 года закрепил принцип взаимодействия между органами власти, основанный на формальных, но не имеющих юридически обязывающего статуса договоренностях между министерствами, предполагая эволюционный характер развития этих отношений [15].

Таким образом, начальный этап становления деволюционной модели характеризовался поиском институциональных механизмов для укрепления кооперации между уровнями власти и баланса интересов центра и региона.

На втором этапе, после прихода к власти Шотландской национальной партии в 2007 году, политическая повестка сместилась в сторону усиления автономии. 14 августа 2007 года была опубликована Белая книга «Выбирая будущее Шотландии – национальный разговор», а также внесен билль о проведении референдума о независимости в 2010 году, что обозначило новый вектор в региональной политике.

Реакцией на эти инициативы стало предложение лидера Шотландской лейбористской партии осенью 2007 года о создании Шотландской конституционной комиссии, призванной разработать альтернативную модель развития региона в рамках Соединенного Королевства. Возглавляемая сэром Кеннетом Калманом, комиссия начала работу весной 2008 года. На текущем этапе экономические и политические аспекты развития Шотландии демонстрируют тесную взаимозависимость, что актуализирует связь между социально-экономическим

прогрессом и институциональными преобразованиями. Осознание данной корреляции стимулировало создание двух инклюзивных платформ, открытых для участия гражданского общества.

Обе структуры регулярно публиковали промежуточные результаты деятельности. Так, в августе 2007 года шотландское правительство представило Белую книгу «Выбирая будущее Шотландии – национальный разговор», а первый отчет Комиссии Калмана был обнародован в ноябре 2008 года.

В программных документах Шотландской национальной партии стратегической целью было обозначено формирование суверенного государства в составе ЕС. При этом признавалась необходимость поэтапного перехода к независимости, включающего длительный период подготовки населения и институтов. В свою очередь, комиссия Калмана сформулировала два ключевых тезиса: требование баланса между фискальными возможностями обеспечения межрегионального равенства и правом на расширенную автономию; обусловленность выбора модели управления преимущественно политическими, а не экономическими факторами [5]. Кроме того, комиссия определила концептуальные рамки для дискуссии о дальнейшей деволюции, включая модель «максимальной автономии» – создание социального государства с самостоятельным финансированием при сохранении связей с Великобританией. Были выделены 12 направлений для потенциального расширения полномочий региона: энергетика, медиасфера, миграционная политика, общественная безопасность и фискальные отношения. Консультации между Эдинбургом, Вестминстером и Уайтхоллом легли в основу итогового доклада «Будущее Шотландии в составе Соединенного Королевства» [5].

Повышенный интерес общественности к деволюционным процессам в Шотландии указывал на сохранение актуальности идеи расширения фискальных полномочий, необходимых для устойчивого регионального развития, даже в условиях экономического кризиса. Более того, экономическая нестабильность может стимулировать поиск оптимальных механизмов реформирования, направленных на обеспечение стабильности в регионе. Ключевым условием при этом остается соблюдение баланса между бюджетными ресурсами и обязательствами, возложенными на региональные власти. Центральным фактором, усиливавшим влияние националистических сил, выступила дискуссия о распределении финансовых компетенций между центром и регионом. Вопрос согласования фискальных потоков в условиях формирования новой управленческой парадигмы постепенно стал критическим элементом межправительственной кооперации.

Отметим, что нормативная база финансовых отношений между британским правительством и шотландской администрацией зафиксирована во второй редакции документа «Государственная денежная политика и фонды», опубликованного Министерством финансов Великобритании 18 июля 2000 года. Данные положения преимущественно продолжают действующие до деволюции договоренности о финансировании региона [9].

Прерогатива формирования общегосударственной фискальной и макроэкономической политики, включая распределение бюджетных средств, сохраняется за центральными институтами. Однако законодательство предоставляет шотландскому правительству ограниченные полномочия по корректировке бюджета: самостоятельное определение объемов и направлений финансирования программ, находящихся в его юрисдикции и утвержденных региональным парламентом [9].

Формирование общегосударственного бюджета базируется на данных, предоставляемых министерствами Соединенного Королевства. Корректировка финансовой политики и бюджетного планирования обусловлена исключительно обновлением предоставляемой министерствами информации. При распределении средств применяется принцип пропорциональности, основанный на демографических показателях регионов (формула Барнетта). Согласно Шотландскому акту 1998 года, утверждение финансирования региона осуществляется парламентом Великобритании через государственного министра по делам Шотландии, который передает выделенные средства региональной администрации [9].

Шотландский офис совместно с региональной администрацией опубликовал доклад, регламентирующий принципы денежно-кредитной политики. Приоритетными направлениями в нем обозначены инвестиционные проекты и программы, требующие долгосрочного капитального финансирования. Шотландское правительство внедрило трехлетние бюджетные планы, контролируемые профильными ведомствами. Это позволяет реализовывать стратегическое планирование и прогнозировать ресурсную базу. Средства, не включенные в трехлетний цикл, автоматически переносятся в ежегодный бюджет. Финансовая стратегия региона предусматривает использование заемных средств исключительно для реинвестиционных программ, что минимизирует риски дефицита текущих расходов.

Важно отметить, что Шотландия наделена полномочиями корректировать базовую ставку налогообложения в пределах, установленных центральными финансовыми институтами [14]. Однако данное право носит ограниченный характер: повышение налоговых ставок без учета социально-экономического контекста может спровоцировать общественное недовольство, что сужает практическую реализацию этой прерогативы.

Шотландский консолидированный фонд был институционализирован посредством принятия соответствующего законодательного акта в 1998 году. Государственный министр по делам Шотландии периодически осуществляет взносы в фонд из средств, ассигнуемых парламентом, в объеме, определяемом на основании экспертной оценки. Субсидии, выделяемые центральными органами власти главе шотландской администрации, подлежат зачислению в консолидированный фонд. Распределение средств из фонда осуществляется с санкции законодательного органа.

Шотландские министры уполномочены осуществлять целевое использование ресурсов, предоставленных государственным министром, с обязательным

возвратом в установленный Министерством финансов срок. Аудит финансовой деятельности парламента и администрации региона возложен на ревизора, назначаемого монархом. Данный субъект контроля находится в исключительной юрисдикции центрального правительства, что исключает вмешательство региональных законодательных и исполнительных институтов. Министры обязаны предоставлять ревизору отчетность о расходовании средств, направленных в фонд, в то время как парламентские отчеты подлежат формальному утверждению данным контрольным органом. Ежегодно государственный министр формирует аналитический отчет о финансовых операциях (поступлениях и выплатах), который направляется на рассмотрение британского парламента [14].

С 2000-2001 финансового периода шотландский парламента наделен прерогативой корректировки налоговой ставки в пределах 3 пенсов. Корректировки осуществляются с учетом фискального потенциала и уровня доходов граждан, при этом доходы от сбережений и дивиденды исключаются из налогооблагаемой базы [4]. Министерство финансов Великобритании сохраняет право внесения нормативных поправок в решения регионального парламента при наличии соответствующих оснований. Консолидированный фонд, учрежденный законодательным актом, выполняет функцию ключевого финансового источника для обеспечения общественных потребностей региона. Формирование ресурсов фонда осуществляется за счет двух каналов: трансфертов из британского Казначейства и налоговых поступлений, аккумулируемых на территории Шотландии. Третьим компонентом выступают внутренние доходы региона, объем которых подлежит увеличению в случае законодательного повышения налоговых ставок региональным парламентом. Однако реализация этих принципов сопровождалась дискуссиями. Например, текущий объем финансирования Шотландии на аналогичные с Англией программы превышал английские показатели на 32%, что ставит под сомнение возможность быстрого достижения финансовой независимости региона.

К разработке стратегии экономического и политического развития подключился Институт Дэвида Юма (David Hume Institute), представивший аналитический доклад. Его ключевой тезис – предоставление региональным администрациям права на целевое кредитование. Эксперты института также рассматривали модель полной фискальной автономии при сохранении подотчетности парламента Великобритании. Параллельно группа «Реформируй Шотландию» в ноябре 2008 года опубликовала доклад «Фискальные полномочия», предложив внедрение децентрализованной системы территориальных финансов. Согласно документу, шотландский парламента должен нести полную ответственность за расходование средств, включая введение налоговой автономии [5. С. 15].

Отдельное направление сотрудничества официального Лондона и Эдинбурга было связано с европейской политикой. Вопрос взаимодействия Шотландии с Европейским союзом исторически занимал центральное место в деволюционной повестке региона. В частности, данная проблематика детально анализировалась Шотландской Конституционной Конвенцией, чьи концептуальные

положения сформировали консенсус среди ключевых политических сил региона в отношении европейской интеграции.

Конвенция артикулировала необходимость институционального представительства Шотландии в рамках ЕС. Согласно ее рекомендациям, регион должен делегировать министерские делегации в Совет министров ЕС, а парламент – обеспечивать участие своих представителей в работе комитетов по региональной политике и социально-экономическому развитию. Особый акцент делался на создании отдельного представительства в Брюсселе для лоббирования региональных интересов. Конвенция также зафиксировала приоритет европейского права над законодательством Великобритании, подчеркнув обязательность имплементации базовых норм ЕС в правовую систему Шотландии [3].

Институционализация шотландского представительства в Брюсселе (октябрь 1999 г.) стала инструментом продвижения региональных интересов в европейской политике. Его деятельность координируется с постоянным представительством Великобритании при ЕС, учитывая исключительную компетенцию центра во внешнеполитических вопросах [12. С. 857]. Тем не менее шотландская администрация вовлечена в формирование общегосударственной позиции по проблемам, затрагивающим ее полномочия, включая те, что имеют косвенное влияние на внутрирегиональное развитие.

Анализ эволюции взаимодействия Шотландии с Европейским союзом в рассматриваемый временной промежуток позволяет констатировать, что законодательные и управленческие решения региональных институтов последовательно коррелируют с общеевропейской политической повесткой. Даже в случаях, когда инициативы ЕС вызвали дискуссии или сопротивление в Вестминстере, Шотландия демонстрировала готовность к имплементации соответствующих норм, что отражало ее приверженность ценностям европейской интеграции [17].

Позиция региона быстро приобрела возрастающее влияние на формирование британской стратегии в рамках ЕС. Историческая зависимость Шотландии от альянса с Англией для доступа к рынкам сбыта, характерная для XVIII века, утратила актуальность в условиях членства в ВТО и едином европейском экономическом пространстве. Участие в программах структурных фондов ЕС обеспечивало региону финансовые поступления, превышающие €1 млрд., а безопасность гарантировалась членством Британии в НАТО, минимизируя необходимость прямой протекции со стороны центра.

Таким образом, становление шотландского самоуправления представляет собой значимый этап не только в контексте трансформации Соединенного Королевства, но и с точки зрения его роли в европейской политической архитектуре. Реформация модели «центр-регион» в Великобритании соответствовало общеевропейскому тренду децентрализации, акцентировавшему важность межправительственной кооперации.

Партийная конфигурация шотландского парламента и правительства играла ключевую роль в политической динамике, что обуславливает необходимость анализа электоральных процессов и выявления предпочтений населения

региона. Первая сессия шотландского парламента была сформирована по итогам выборов, состоявшихся 6 мая 1999 года. Согласно установленной процедуре, регулярные выборы проводятся в первый четверг мая с четырехлетним интервалом. Досрочное голосование инициируется в исключительных случаях, связанных с институциональной неспособностью сформировать правящую коалицию [13].

По результатам выборов 1999 года доминирующей политической силой стала Лейбористская партия, заручившись поддержкой 34,12% избирателей и получившая 56 мандатов. Шотландская национальная партия заняла вторую позицию с 27,7% голосов и 35 местами. Консервативная (16,14%, 18 мандатов) и Либерально-демократическая (12,04%, 17 мандатов) партии не преодолели электоральный барьер, необходимый для формирования самостоятельной оппозиционной платформы [9]. Сложившаяся парламентская конфигурация в Шотландии обусловила стратегический интерес Лейбористской и Либерально-демократической партий к сохранению коалиционного взаимодействия, сформированного в ходе общегосударственного электорального цикла. Среди малых политических сил лишь Зеленая партия и Шотландская социалистическая партия преодолели электоральный барьер, обеспечив себе представительство в законодательном органе.

Анализ результатов выборов позволяет выделить следующие тенденции: приоритетность вопроса статуса региона – поддержка населением программы Лейбористской партии, согласованной с Либеральными демократами, отразила запрос на институциональное переопределение позиции Шотландии в рамках Соединенного Королевства; коалиционный потенциал – альянс лейбористов и либерал-демократов продемонстрировал возможность формирования устойчивого правительственного большинства, способного реализовать заявленные реформы; деволюционная зависимость – стабильность политического курса и доминирование Лейбористской партии (подтвержденное победами в 1997 и 1999 гг.) оказались напрямую связаны с успешностью реализации деволюционной модели.

С 1999 года шотландский парламент стал ареной полицентричного взаимодействия четырех ключевых политических сил. Доминирующая фракция лейбористов, поддерживаемая либерал-демократами, противостояла националистическому оппозиционному блоку [1. С. 160-165]. Консервативная партия утратила статус системообразующей силы. В период конца 1990-х – начала 2000-х годов наибольшую устойчивость демонстрировали лейбористы, тогда как Шотландская национальная партия, несмотря на временное снижение влияния в 2001 и 2005 годах, сохранила тенденцию к постепенной консолидации электоральной базы.

Электоральные процессы 2003 года стали катализатором трансформации политического ландшафта Шотландии. Лейбористская партия, сохранив лидерство с 32% голосов, тем не менее утратила 6 мандатов, сократив свою фракцию до 50 мест из 129, что лишило ее абсолютного большинства. Шотландская

национальная партия (ШНП) закрепились на второй позиции с 22% голосов, тогда как консерваторы (16%) и либерал-демократы (14%) продемонстрировали стагнацию. Перераспределение мандатов в пользу малых сил – Зеленой и Социалистической партий, выступавших за независимость, – свидетельствовало о растущей актуальности проблематики обретения Шотландией новых элементов политической самостоятельности. Несмотря на относительное ослабление ведущих партий, консерваторы не смогли закрепиться на этой тенденции, подтвердив кризис своей региональной стратегии. Успех проавтономистских сил отразил не только активизацию дискурса о независимости, но и способность электората к мобилизации вокруг националистической риторики.

Электоральный тренд получил подтверждение в 2007 году. В преддверии выборов социологические опросы фиксировали доминирование лейбористов (32-48%), однако ШНП, набрав около 40%, смогла консолидировать протестный электорат. Примечательно, что лишь 12% респондентов выразили категорическое неприятие ее программы. Последующий рост поддержки националистов вплоть до глобального финансового кризиса 2008-2009 гг. подтвердил их статус ключевого оппонента лейбористско-либерального альянса, обозначив сдвиг в сторону поляризации политического поля. Электоральные итоги мая 2007 года зафиксировали лидерство Шотландской национальной партии (ШНП), получившей поддержку 48% избирателей, тогда как Лейбористская партия ограничилась результатом в 32% [1. С. 160-165].

Период после 2009 г. ознаменовался снижением электоральной поддержки ключевых политических сил. Аналитики связывают данный тренд с трансформацией финансово-экономического контекста, вызванного глобальным кризисом, что негативно отразилось на рейтингах националистической партии. Проблема независимости оставалась наиболее дискуссионной в шотландском обществе. Динамика социологических опросов 2007 года демонстрирует постепенное сокращение поддержки сецессии: с 51% в январе до 31% в августе. Согласно данным Daily Mail, 49% респондентов выступали против независимости, 20% – воздерживались от однозначной оценки. Парадоксально, но снижение популярности идеи суверенитета совпало с ростом электорального влияния ШНП, что указывает на многомерность политических предпочтений населения [5]. Опросы 2009 года выявили амбивалентность общественного мнения: 58% поддерживали проведение референдума о независимости, однако 54% отвергали ее немедленное провозглашение. Лишь 38% допускали возможность реализации данного сценария в горизонте двух десятилетий. Эти настроения сохранили актуальность в начале 2010-х годов, предопределив контекст референдума 2014 года и последующей дискуссии о Брексите, осложнившей отношения Шотландии с центральным правительством во втором десятилетии XXI столетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гехт А.Б., Лосев С.А. Шотландская национальная партия: ее место и роль в политической системе современной Великобритании / В сборнике:

- Двадцатые Петровские чтения. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. 2019.
2. **Еремина Н.В.** Проблема статуса Шотландии в 90-е гг. XX века. СПб.: СПбГУ, 2005.
 3. **Bennett M., Fairley J., McAteer M.** Devolution in Scotland. The Impact on Local Government in Scotland. Edinburgh, 2002. DOI: 10.13140/RG.2.2.20737.76644.
 4. Business & Transport section Tax varying powers for a Scottish Parliament // The official website of the Parliament UK // <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN00119/SN00119.pdf>.
 5. **Cairney P.** Scottish Constitutional Debate // Devolution Monitoring Programme. 2009 // http://paulcairney.blogspot.com/2009/05/scottish-devolution-monitoring-report_29.html.
 6. Department Report by the Scotland Office. March 2000 // Official website of the Government UK // <http://www.scottishsecretary.gov.uk>.
 7. Devolution Referendum Results // Scotland's Internet Guide – Silicon Glen // http://www.siliconglen.com/Scotland/19_11.html.
 8. Devolution in Scotland and Wales // The official website of the Parliament UK // https://publications.parliament.uk/pa/ld199798/ldhansrd/vo970730/text/70730-06.htm?utm_source=chatgpt.com&__cf_chl_f_tk=IeRq1q5qrbonqV5Ye0vbvbLuxCxRM8yupycIDwOKjEQ-1748533058-1.0.1.1-B84SGXpxys8DpXKZFzjU3fjvGTT.NQl5wxcG8Q65O3o.
 9. House of Lords – Constitution – Second Report. London: House of Lords Select Committee on the Constitution, 2003 // <https://publications.parliament.uk/pa/ld200203/ldselect/ldconst/28/2807.htm>.
 10. **MacAskill E.** Scots given blueprint for self-rule // The Guardian. 1997. Friday. July 25.
 11. Memorandum by the Secretary of State for Scotland. 1999. 21 July // The official website of the Parliament UK // <https://publications.parliament.uk/pa/cm199900/cmselect/cmscotaf/59/0032902.htm>.
 12. **Nicholas J., Wheeler T., Dunne T.** Good International Citizenship: A Third Way for British Foreign Policy // International Affairs. 1998. Vol. 74 (4).
 13. **Smith C.F. & Gray P.** The Scottish Parliament: [re-]shaping parliamentary democracy in the information age. In S. Coleman, W. Donk, & J. Taylor (Eds.) // Parliament in the Age of the Internet, 67-79. Oxford University Press, 1999 // <https://www.napier.ac.uk/research-and-innovation/research-search/outputs/the-scottish-parliament-reshaping-parliamentary-democracy-in-the-information-age#downloads>.
 14. Scotland Act 1998. Para 1-3; 45 (1-7); 46 (1-4); 73 (1-4); 76 (1-3) // <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/46/contents>.
 15. Scotland Bill. Devolution and Scotland's Parliament. January 1998. London. Para 23 // <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP98-1/RP98-1.pdf>.

16. Scottish Parliament elections: 6 May 1999 // House of Commons Library Research Paper 99/50. 1999 // <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP99-50/RP99-50.pdf>.
17. What We do. Scottish Executive EU Office // The official website of the Scottish Government // <https://www.gov.scot/about/how-government-is-run/directorates/eu-directorate/#:~:text=providing%20advice%20and%20support%20to,based%20networks%20and%20other%20stakeholders>.

A.B. GEKHT

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of History and Regional Studies
the Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications, St. Petersburg, Russia
SPIN-code: 1252-5940
ORCID: 0000-0002-6917-1161

E.A. RUDENKO

Assistant Lecturer of the Department of History and
Regional Studies, the Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications; postgraduate student at St. Petersburg
Electrotechnical University «LETI»,
St. Petersburg, Russia
SPIN-code: 1050-0337

V.A. LANGUILLE

Senior lecturer at the Department of History and
Regional Studies, the Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications, St. Petersburg, Russia
SPIN-code: 2423-6773

O.A. YAKOVLEV

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History and Regional Studies
the Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications, St. Petersburg, Russia
SPIN-код: 4073-8838

THE FORMATION OF NEW PRINCIPLES OF POLITICAL GOVERNANCE IN SCOTLAND AT THE TURN OF THE 21ST CENTURY IN THE CONTEXT OF DEVOLUTION IN BRITAIN

The study examines the devolution process in Scotland initiated by the 1998 Scotland Act. It explores key aspects, including the establishment of a parliament with a unique mixed electoral system, the division of powers between Edinburgh and Westminster, and the role of the Scottish National Party in promoting independence. Special attention is paid to financial mechanisms (Barnett Formula, Consolidated Fund) and EU engagement. The contradictions between expanding autonomy and maintaining central dependency are highlighted, alongside the impact of the 2014 independence referendum on political dynamics. The research emphasizes devolution as a tool for balancing regional identity and national interests.

Key words: devolution, Scotland, electoral system, fiscal autonomy, Scottish National Party, EU, referendum.